

Яркова Е.Н. Медиация и нравственная культура общества // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук, 2018. Т. 18, вып. 2, с. 40–54.

УДК 140

DOI 10.17506/ryipl.2016.18.2.4054

МЕДИАЦИЯ И НРАВСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА ОБЩЕСТВА

Елена Николаевна Яркова

доктор философских наук,
профессор Тюменского государственного университета, г. Тюмень, Россия.
E-mail: mimus.lena@mail.ru

Материал поступил в редколлегию 22.02.2017 г.

Статья посвящена анализу нравственных аспектов медиации как социально-правового института. Отмечается, что понятие «медиация» в различных направлениях исследований используется для обозначения разных феноменов: в социально-правовых исследованиях оно трактуется в качестве альтернативной судебному разбирательству процедуры урегулирования споров и конфликтов; в культурологических исследованиях интерпретируется как логика культуры, направленная на синтез сложившихся оппозиционных смыслов. Предлагается соединить различные содержательные аспекты понятия «медиация», превратив его в понятие междисциплинарное. Утверждается, что развитие социально-правового института медиации зависит от становления медиации как логики нравственной культуры. Определяется главная цель исследования – поиск точек роста медиации как логики нравственной культуры. В качестве технологии исследования привлекаются методологии идеальной типизации, компаративистики и герменевтики. Выделяются и анализируются три типа нравственной культуры: традиционный, утилитарный (умеренный и развитой) и креативный.

Новизна исследования заключается в следующем выводе: нравственный феномен медиации зарождается в ценностно-смысловом пространстве развитого утилитаризма; помимо этого, в статье эксплицируются предпосылки, катализаторы, механизмы становления данного феномена.

В заключение констатируется, что главной причиной торможения медиационных социально-правовых практик в современном российском обществе является «застревание» его нравственной культуры на установках умеренного утилитаризма, абсолютизирующего либо индивидуальную, либо общественную пользу. Решение этой проблемы автор видит в культивировании на всех уровнях российского общества важнейшего принципа развитого утилитаризма – взаимозависимости индивидуальной, общественной, государственной пользы

Ключевые слова: медиация, нравственная культура, традиционализм, умеренный утилитаризм, развитой утилитаризм, креативизм.

В современном научном и общественно-политическом дискурсе понятие «медиация» чаще используется в значении технологии внесудебного и досудебного разрешения споров, урегулирования корпоративных, финансовых, семейных и т.д. конфликтов. Подобного рода технология достаточно основательно разработана и продолжает разрабатываться, однако в этих изысканиях есть существенный пробел. Он касается нравственных аспектов медиации. Речь идет не столько об этике медиации, профессиональном кодексе поведения медиатора, сколько о нравственной культуре общества, определяющей предрасположенность или непредрасположенность его членов к досудебному и внесудебному примирению и посредничеству.

Нравственный аспект медиационных процессов особенно значим для российского общества, нравственная культура которого является одним из ведущих факторов, сдерживающих массовое распространение социально-правового института медиации. Определение российского общества в качестве «расколотого» давно стало общим местом как в научной, так и в публицистической литературе. Задача предлагаемого вниманию читателя исследования заключается не в том, чтобы еще раз констатировать это печальное обстоятельство, привлекая новые аргументы и примеры, но в том, чтобы наметить пути его устранения.

Как представляется, важным подспорьем в исследовании нравственной культуры в аспекте развития медиации является тот факт, что само понятие «медиация» полидисциплинарно.

В частности, в культурологии понятие «медиация» применяется для обозначения определенной логики развития культуры, суть которой заключается в нацеленности на преодоление сложившихся в культуре оппозиционных смыслов, на формирование смыслового синтеза, «срединной культуры» (Н.А. Бердяев).

Понятие «медиация» в культурологию ввел К. Леви-Стросс, который позиционирует медиацию как выход за рамки присущего архаичному мышлению структурного бинаризма, как механизм разрешения смысловых противоречий путем замены исходной бинарной оппозиции другими – все менее контрадикторными – до полного ее преодоления (Levi-Strauss 1963: 240-280).

Идея экстраполяции понятия «медиация» в сферу изучения нравственной культуры принадлежит А.С. Ахиезеру, который рассматривает медиацию как «срединную культуру ... характеризующуюся отказом от абсолютизации полярностей и максимизацией внимания к их взаимопроникновению, к их существованию друг через друга, что порождает новые смыслы» (Ахиезер 1998: 271).

Идеи А.С. Ахиезера развивает А.П. Давыдов, определяющий медиацию как логику «снятия» сложившихся в культуре оппозиционных смыслов, основу смыслогенеза (Давыдов 2017: 53-59).

А.В. Тихонов репрезентирует медиацию как способ соединения крайностей, разрешения неразрешимых дихотомий, оппозиций (Тихонов 2013: 40).

А.А. Пелипенко понимает медиацию как принцип формирования новых смыслов на основе преодоления исходных смысловых оппозиций и продуктивного смыслового синтезирования (Пелипенко 2016: 26-87).

Вместе с тем в современной социально-гуманитарной науке исследование медиации как логики культуры и как социально-правового института осуществляется изолированно друг от друга, то есть практически не соприкасаясь. Этот факт отмечают, например, С.А. Шамликашвили, О.В. Вечерина: «В России до последнего времени развивались два взаимно непересекающихся направления исследований. Первое – это исследование медиации как эффективной процедуры и особой технологии предупреждения и разрешения конфликтов, альтернативной судебному разбирательству. ... Ко второму направлению относятся исследования медиации как социокультурной категории и институциональных матриц развития двух типов культур – медиационного и инверсионного» (Шамликашвили, Вечерина 2017: 51).

По нашему мнению, превращение понятия «медиация» из полидисциплинарного в междисциплинарное открывает некие новые грани проблемы развития медиационных процессов в обществе. В частности, оно делает очевидным то обстоятельство, что для развития медиации как социально-правового института необходимо развитие медиации в качестве логики трансформации культуры.

«Каким образом можно стимулировать развитие медиационной логики в культуре?» – это один из наиболее актуальных вопросов современной культурологии. Следует отметить, что идея, согласно которой существуют медиационные и антимедиационные по своей сути культуры, достаточно широко проработана в различной культурологической литературе. А вот идея, согласно которой существуют промежуточные типы культуры, в рамках которых осуществляется переход от антимедиационности к медиационности, достаточно нетривиальна.

Цель настоящего исследования заключается в том, чтобы показать, как реализуется этот переход, каким образом формируется медиационная логика культуры, дающая простор развитию медиационных практик альтернативного судебного разбирательству урегулирования споров и конфликтов.

Наиболее релевантным средством достижения этой цели мы полагаем методологию идеальной типизации, герменевтики и компаративистики. Выделение идеальных типов нравственной культуры, сравнительная экспликация их содержания дают возможность понять, как формируется феномен медиации как логики развития нравственной культуры.

Во избежание умозрительности мы прибегнем в наших рассуждениях к иллюстративному эмпирическому материалу, почерпнутому из прошлого и настоящего нравственной культуры России и мира.

В целом изучение многообразного исторического, социологического, философского материала, приводить который ввиду ограниченности журнальной статьи не представляется возможным, позволяет все необозримое пространство нравственной культуры человечества свести к трем основ-

ным типам – традиционному, утилитарному и креативному. Рассмотрим их на предмет медиационности, антимедиационности, переходности.

Медиация и нравственная культура традиционного типа. Нравственная культура традиционного типа антимедиационна по своей сути. Определяющей ее характеристикой является понимание высшего блага как Абсолюта – верховного божества или безличного духовного начала. Традиционализм опирается на мировоззренческие позиции космоцентризма или теоцентризма. Моральный закон в таком прочтении предстает воплощением единого, божественного или космического, закона бытия, соответственно моральный долг строго фиксирован, а добродетель толкуется как моральная твердость человека в следовании моральному долгу.

Моральный герой традиционализма – «человек традиционный» – индивид, послушный исполнитель сложившихся нравственных норм. Одним из облигатных его качеств выступает догматизм – безусловное подчинение установленным моральным требованиям, исключаящее их разумное осмысление, рефлексию относительно конкретной ситуации, в которой они применяются, осознание вытекающих из этого последствий. Отсюда произрастает бинаризм традиционной нравственной культуры. «Человек традиционный» делит мир надвое – абсолютное добро и абсолютное зло, абсолютная добродетель и абсолютный порок, идеал и антиидеал. Для него не может быть и речи о какой бы то ни было диалектике должного (сложившихся нравственных норм) и сущего (изменяющейся, усложняющейся реальности), поскольку должное всецело определяет и поглощает сущее. Для него также не может быть и речи о каких-либо промежуточных значениях между абсолютным добром и абсолютным злом; он по определению не приемлет идеи относительности отдельных норм, морального релятивизма. В качестве основного способа нравственного осмысления событий, людей «человек традиционный» использует экстраполяцию – примитивно-лобовой тип мышления, основу которого составляет процедура отнесения тех или иных элементов изменяющейся реальности к неизменным, стереотипным представлениям о нравственном и безнравственном, моральном и аморальном, этичном и неэтичном. В сущности, экстраполяция есть не что иное, как «втискивание» нового содержания в старые формы – сложившиеся бинарные ценностно-смысловые структуры. Вследствие проблематичности подобной процедуры экстраполяция неотделима от инверсии – «маятникообразной» логики, суть которой заключается в оборачивании – отчуждении от одного полюса оппозиции и партиципации к другому: «...осмысляемое явление может последовательно соотноситься с добром и злом, определяться как воплощение добродетели или, наоборот, порока, идеала и антиидеала и никогда как нечто находящееся между ними» (Ахиезер 1998: 195-199). «Человек традиционный» в силу присущей ему авторитарности, ригоризма, неприятия инакомыслия, нетерпимости к другому мнению даже теоретически не способен к диалогу. Таким образом, традиционная нравственная культура и медиация – вещи несовместные.

В разные времена нравственная культура традиционного типа существовала и на Востоке, и на Западе.

В России во всей полноте форм (обыденной нравственности, морали, этики) она складывается в результате принятия христианства, когда появляется нравоучительная литература, в которой фиксируются те или иные моральные нормы, а несколько позднее формируется этико-философская мысль, где эти нормы получают философско-богословское обоснование. Традиционная нравственная культура в России образуется во многом под влиянием византийской христианской парадигмы – православие задает как общий ценностно-смысловой строй мировоззрения русского человека, так и нормативно-регулятивный порядок, устанавливаемый в русском обществе. В качестве источника нравственных норм в ее рамках полагается Бог, при этом в восточно-христианской духовной традиции утверждается образ потустороннего Бога, закрепленный в догмате об исхождении Духа Святого только от Отца через Сына. Идея потустороннего Бога изначально несла в себе огромный заряд антимедиационности, поскольку исключала саму возможность какой-либо коррекции должного сущим. Религия потустороннего Бога, по словам А.П. Давыдова, «развела Бога и русского человека в разные стороны, одного – на небо, другого – на землю, поставила русского человека на колени перед церковью и государством, уложила ниц перед традицией, стала одним из мощных факторов сохранения и укрепления раскола в русской культуре» (Давыдов 1999: 51). Восточную христианскую традицию в целом отличает ярко выраженный бинаризм – представление о материальном мире как творении дьявола, а о духовном – как творении Бога. Нравственным коррелятом бинарной оппозиции «небесное – земное» в традиционном российском нравственном сознании была оппозиция «правда – кривда»: «Правда пошла на небеса, / К самому Христу, Царю небесному; / А Кривда пошла у нас по всей земле, / По всей земле по свет-Русской, / По всему народу христианскому» (Клибанов 1977: 13). Примат должного и презрение к сущему были связаны, сверх того, с общей эсхатологической сосредоточенностью православия, восприятием земного существования человека как краткого пролога к жизни вечной.

Православная мораль являла собой пример крайнего догматизма. Огромную роль в закреплении этой системы морали сыграл «Домострой» – моральный кодекс, охватывающий жизнь православного христианина от рождения до смерти, подчиняющий его сознание и поведение выработанным веками нормам. Исследователи утверждают, что «Домострой» пресекает медиаторные процессы, табуирует медиацию и медиатора: «И до сих пор в России, при ее поляризованной ментальности, нет традиции компромисса и терпимости...» (Иваницкий 1995: 172).

Отношение к нравственным идеалам как неизменным ориентирам и эталонам проявлялось, например, в писательском ремесле, которое было ориентировано на изображение шаблонных образов. Герои древнерусской литературы делились на две категории – воплощение добродетели «героимученики» и воплощение порока «герои-злодеи». В.О. Ключевский, описы-

вая житийную литературу, констатировал, что «для жития дорога не живая цельность характера с его индивидуальными особенностями... а лишь та сторона, которая подходит под известную норму, отражает на себе известный идеал», «изображения дают лишь “образы без лиц”» (Ключевский 1988: 436). В повседневности это оборачивалось склонностью не только идеализировать тех или иных людей, но и переходить от их идеализации к радикальной антиидеализации. Подобного рода инверсионную логику осмысления действительности демонстрируют русские народные пословицы: «Ерофеич часом дружок, а другим вражок», «Дружба от недружбы близко живет», «Надсаженный конь, надломленный лук да замиренный друг равно не надежны» (Русские пословицы...). Отсутствие медиационности, «срединной культуры» (НА. Бердяев) в характере русского народа и стало причиной превращения раскола в атрибут жизнедеятельности российского общества.

Антимедиационностью «грешило», например, само понимание способов разрешения конфликтов, главным из которых был отнюдь не поиск некоей срединной, примирительной позиции, но выявление «правого и виноватого», «агнцев и козлищ». Вплоть до XVII в. в России существовала традиция «поля» – поединка между частными лицами как способа решения различного рода споров, который вдохновлялся идеей «Бог нас рассудит», «Бог промеж нас будет» (Ключевский 2000: 207).

Разумеется, прецеденты примирения и посредничества в спорах существовали в российском традиционном сословно-иерархическом по своей сути обществе, а таковым Россия де-факто была вплоть до конца XIX в. Однако эти примирение и посредничество опирались не на принципы равноправного диалога, взаимовыгодного консенсуса, а на представления об «урядстве» и «чинности», согласно которым каждый человек должен знать свой «чин» и свое место в общем «ряду», то есть социальном слое общества. Конечно, существовали и иные способы примирения и посредничества. Например, в крестьянской культуре таковым был «мир», сходка крестьянской общины. Тем не менее решения, принимаемые общиной, исходили не из принципа согласования частных и общественных интересов, но из принципа первичности общего интереса и вторичности интересов частных. По свидетельству аналитиков, «решение сходки считалось обязательным для всех, и все беспрекословно ему подчинялись. Это удивляло сторонних наблюдателей: до хрипоты спорили, высказывали разные точки зрения, не соглашались, но как только решение принималось, все успокаивались, как будто оно было единым» (Павловская 2009). Вместе с тем сама идея согласования интересов принадлежит уже другому – нетрадиционному – типу нравственной культуры, ростки которого можно обнаружить, в числе прочего, и в недрах крестьянской общины. Речь идет об утилитаризме.

Медиация и нравственная культура утилитарного типа. Утилитарную нравственную культуру можно рассматривать как антитезу традиционной, актуализация утилитаризма во всей полноте его форм (обыденной нравственности, морали, этики) возникает в результате глобального слома – перехода от традиционализма к принципиально иному, утилитарному

нравственному порядку. Однако в отличие от традиционализма утилитаризм отнюдь не антимедиационен; более того, в его пространстве формируются как ценностно-смысловые предпосылки, так и ценностно-смысловые основания медиации. Определяющей характеристикой нравственной культуры утилитарного типа является понимание высшего блага как пользы человека, общества. Утилитаристский моральный закон получает выражение в формуле «нравственно то, что приносит максимальную пользу человеку или обществу». Вследствие этого моральный долг не имеет жесткой фиксации: образцы поведения становятся зависимыми от ситуационной пользы, приобретают лабильный характер.

В мировоззренческом плане утилитарная нравственная культура опирается на принципы социоцентризма, антропоцентризма. Все определяется тем, что возводится в ранг высшего блага – польза общества или польза человека. Утилитаризм можно дифференцировать, различая две его формы – умеренный и развитой. Умеренный утилитаризм связан с абсолютизацией либо общественной, либо индивидуальной пользы, развитой – характеризуется стремлением найти некий баланс того и другого.

Понятно, что в большей степени «подтачивает» инверсионную логику культуры развитой утилитаризм, именно он становится почвой для прорастания и развития синтезирующей логики – медиации. Это обусловлено двумя причинами: выдвиганием идеи моральной автономии человека (предоставления ему права самостоятельного определения того, что суть польза и вред, соответственно добро и зло), а также утверждением принципа взаимозависимости, взаимообусловленности индивидуальной и общественной пользы, согласно которому моральным является поведение, руководствующееся правилом согласования интересов различных социальных групп, индивидов и т.д.

Наметим основные катализаторы и механизмы становления медиации в русле развитого утилитаризма.

Во-первых, утилитарное понимание морали способствует ее «десакрализации» – перемещению морального сознания из сферы абсолютного, священного в сферу относительного, мирского. Таким образом устраняется присущая традиционной нравственной культуре пропасть между должным и сущим, более того, допускается возможность коррекции должного сущим. Разумеется, применительно к утилитаризму едва ли можно говорить о диалектике должного и сущего, поскольку опора на принцип пользы подразумевает примат сущего.

Во-вторых, оперируя бинарной оппозицией «польза – вред» утилитаризм, как это ни парадоксально, подтачивает инверсионную логику культуры. Дело, очевидно, в том, что в вопросах собственной пользы каждый сам является судьей, следовательно, любое умозаключение в этом плане носит частный характер. Таким образом, инверсия утрачивает свой глобально-массовый характер, происходят ее измельчание, фрагментация, обусловленные вариативностью понимания пользы и вреда. Отсюда произрастает главная проблема этики развитого утилитаризма – проблема согласования,

уравновешивания различных интересов. А такого рода нацеленность уже можно считать утилитаристской формой «срединной культуры», то есть медиации.

В-третьих, отрекаясь от традиционалистской стратегии руководства стереотипными моральными формулами, утилитаризм переходит к тактике принятия решений относительно правил поведения в той или иной ситуации посредством анализа этой ситуации и поиска оптимального с точки зрения морали пользы поведения. По определению антидогматичная, релятивистская, ситуационная этика и мораль утилитаризма становятся благодатной почвой для становления и развития «срединной культуры», медиации, заполняющей пространство между полярными смыслами; это выражается, скажем, в понимании добра как относительного, ситуационного или, например, в решении следовать по пути наименьшего зла, в убеждении, что «худой мир лучше доброй ссоры», что желание навредить другому оборачивается негативными последствиями для самого себя – «не рой другому яму – сам в нее попадешь».

Конечно, порожденная утилитаристским здравым смыслом «срединная культура» – образование чрезвычайно изменчивое, тем не менее она являет собой утилитаристскую форму медиации, следовательно, открывает пути развития медиации как социально-правового института. Это и понятно, в конечном счете медиация получает распространение в обществе, члены которого способны не только исходить из собственных интересов, но также учитывать интересы контрагентов.

Что касается умеренного утилитаризма, то однобокое понимание добра как только индивидуальной или только общественной пользы в значительно меньшей степени способствует развитию медиации; впрочем, умеренный утилитаризм при определенных условиях можно рассматривать в качестве предпосылки развитого уже потому, что между двумя формами утилитаризма существуют генетические связи.

Необходимо отметить, что утилитаризм, подобно традиционализму, представляет собой исторически достаточно ранний тип нравственной культуры. Однако как целостная нравственно-моральная и этическая система он оформляется достаточно поздно – в эпоху модернизации. К утилитарному типу, безусловно, относятся нововременная западноевропейская буржуазная нравственность и мораль, получившие философское обоснование в творчестве Т. Гоббса, Д. Локка и др. Отличительной особенностью классического утилитаризма И. Бентама и Дж. Ст. Милля является приверженность идеалам развитого утилитаризма. Стержневым принципом классического утилитаризма был принцип взаимозависимости, взаимообусловленности всеобщей и индивидуальной пользы. Реализация частных интересов позиционировалась как единственно эффективный путь реализации всеобщего интереса; всеобщая польза определялась как важнейшее условие и значимый элемент пользы индивидуальной. Конечно, этот принцип требовал дальнейших штудий, что и происходит в этико-философских рефлексиях утилитаризма XX в. В 60-е гг. XX в. утилитарный моральный дискурс расслаивается на два

направления: на «утилитаризм действия», один из последовательных сторонников которого, Дж. Дж. Сартр, полагал, что критерием моральности поступка являются его последствия, связанные с максимизацией совокупной полезности (Smart 1973), и «утилитаризм правила», представитель которого, Р. Брандт, был убежден, что действие является моральным, если оно следует правилу поведения, оправданному принципом полезности (Brandt 1998). В 70–80-е гг. складывается неоутилитаризм, также расслаивающийся на различные течения: на «двухуровневый утилитаризм», создатель которого, Р.М. Хейр, соединяет принципы «утилитаризма действия» и «утилитаризма правила» (Hare 1981), «мировой утилитаризм», один из зачинателей которого, Ф. Фельдман, полагает, что моральным является действие, делающее мир лучше (Feldman 1997), на «стратегический утилитаризм», один из авторов которого, В.Б. Эллис, отдает предпочтение масштабно понимаемой пользе (Ellis 1981) и др. (Eggleston, Miller 2014). Таким образом, западная этико-философская мысль чрезвычайно много внимания уделяла утилитаризму, что способствовало развитию утилитарной нравственности, продвижению медиации как логики развития нравственной культуры и как процедуры внесудебного и досудебного урегулирования споров и конфликтов.

В России актуализация утилитарной нравственной культуры также была связана с активизацией модернизационных процессов в эпоху Петра I. Однако российский утилитаризм носил односторонний – этатистский – характер. Выдвигаемая российскими просветителями В.Н. Татищевым и И.Т. Посошковым идея общей пользы как разумного сочетания пользы человека, общества, государства не нашла заметного отклика в российском обществе. Более того, славянофилы и западники, консерваторы и либералы были единодушны в осуждении утилитаризма как обывательской, филистерской философии. Всеобщая неприязнь к идеалам западного развитого утилитаризма не исключала тяготения к иным его формам. Воплощением умеренного утилитаризма была сублимирующая ценностно-смысловые установки российского крестьянского общинного утилитаризма этика народников Н.Г. Чернышевского, П.Н. Ткачева и др., которая базировалась на идеалах первичности народного блага, редукции частного интереса к общему. Апология коллективизма (общинности) превращала проблему согласования частных интересов в несуществующую, тем самым тормозила становление медиации.

Принцип редукции частного интереса к общему нашел воплощение в «Моральном кодексе строителя коммунизма», марксистско-ленинской этике, значимым элементом которой была теория слияния частного и общественного интересов (Титаренко 1980: 195). Понятно, что принцип слияния интересов снимал саму проблему их урегулирования посредством медиации.

Нравственная культура постсоветской России характеризуется актуализацией умеренного индивидуалистского утилитаризма. На это указывает целый ряд исследователей; например, В.С. Магун, М. Руднев утверждают: «...сдвиг российского общества в сторону конкурентных ценностей индиви-

дуального успеха, власти и богатства был чрезмерным, и установившийся сегодня в обществе баланс между ценностями конкурентного индивидуализма и солидарности не является оптимальным (Магун, Руднев 2008: 75). Еще более определенно характеризует эту ситуацию Ю.В. Осипова: «В начале XXI века массовый утилитаризм в России представлен в умеренной форме... Умеренный утилитаризм с необходимостью должен превратиться в развитую свою форму» (Осипова 2011: 16). Однако приходится признать, что превращение умеренного утилитаризма в развитой, о необходимости которого пишет вышеуказанный автор, пока не произошло, следовательно, на пути развития медиации в России как социально-правового института сложились серьезные препятствия.

Медиация и нравственная культура креативного типа. Креативная нравственная культура медиационна по своей сути, она является продуктом медиации, «срединной культурой» относительно традиционализма и утилитаризма. Нравственный креативизм характеризуется пониманием высшего блага как творчества, которое выступает главной целью, ценностью, воплощением добра. Моральный закон в рамках креативизма – это закон самоорганизации, саморазвития, основным принципом которого становится принцип морального выбора человека. Нравственные нормы креативизма медиативны, они манифестируют «срединную культуру» относительно сложившихся трансцендентных и имманентных, абсолютных и относительных, сакральных и профанных смыслов бытия. С точки зрения креативизма моральные нормы не могут быть сформулированы в виде набора рекомендаций и запретов, они суть порождение человеческого духа, разума как источника морали.

Моральным героем креативной нравственной культуры является «человек творческий» – личность. Креативная нравственная культура диалогична по своей природе, диалогизм составляет ее облигатное свойство и мировоззренческое основание. Принцип диалогизма предполагает отказ от любого рода «центризмов» – космоцентризма, теоцентризма, антропоцентризма, социоцентризма, он само воплощение творческой свободы и ответственности, в процессе которой создается новая ценностно-смысловая реальность, превосходящая действительность, преумножающая бытие, создающая мир. Ставка на диалогизм оказывается наиболее действенным механизмом преодоления конфликтности, расколотости, достижения социального согласия. Теоретически превращение медиации в неотъемлемый атрибут нравственной культуры общества ведет к качественному изменению социальных медиационных практик, что выражается, скажем, в отсутствии потребности в медиаторе.

Если говорить о конкретно-исторических формах креативной нравственной культуры, то элементы таковой можно обнаружить в культуре Античности, Возрождения, Нового времени. Однако, по общему убеждению, футурологов (Ф. Фукуяма, П. Друкер, В.А. Иноземцев и др.), она составляет нравственную основу постиндустриального общества, ключевым ресурсом которого становится человеческий капитал – креативные способности и возможности личности. Автор известной работы «Креативный город»

Ч. Лэндри утверждает, что главным условием творчества является преодоление «привычки мыслить в рамках бинарных оппозиций – барьеров на пути творческого решения проблем» (Лэндри 2011: 28). Автор не менее известной работы «Креативный класс» Р. Флорида определяет креативность преимущественно как способность к синтезу (Флорида 2011: 48).

Философское обоснование креативной нравственной культуры дает Н.А. Бердяев в своей концепции этики творчества: «Только этика творчества впервые преодолевает отрицательную направленность духа, борьбу со злом и грехом прежде всего, и утверждает положительную направленность духа, творчество ценного содержания жизни» (Бердяев 1993: 122).

* * *

В заключение необходимо сделать некоторые выводы, касающиеся, как теоретических, так и эмпирических аспектов представленного вниманию читателю исследования.

Первый. Переходным от антимедиационности и медиационности типом нравственной культуры, по нашему убеждению, является утилитаризм. При этом ключевое звено этого перехода – преодоление умеренного, абсолютизирующего либо индивидуальную, либо общественную пользу утилитаризма и прорыв к утилитаризму развитому, утверждающему принцип взаимообусловленности индивидуальной и общественной пользы.

Второй. Отталкиваясь от реального состояния дел, в качестве основной точки роста медиации как логики нравственной культуры следует рассматривать умеренный утилитаризм, который при определенных условиях может трансформироваться в развитой. Главным таким условием является осознание на всех уровнях социума (правящая, экономическая, интеллектуальная элиты, народные массы) взаимосвязи, взаимозависимости, взаимообусловленности индивидуальной и общественной пользы. Широкую популяризацию и культивирование принципа согласования частного и общественного интересов, его превращение из номинального в реальный можно рассматривать в качестве действенного метода стимулирования положительной динамики нравственной культуры, соответственно, развития медиации как нравственного и социально-правового феномена.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Ахиезер А.С. 1998. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т. 2. Теория и методология : словарь. Новосибирск : Сиб. хронограф. 594 с.
- Бердяев Н.А. 1993. О назначении человека. М. : Эксмо. 448 с.
- Давыдов А.П. 1999. «Духовной жаждой томим» : А.С. Пушкин и становление «срединной культуры» в России. М. : Экономика. 256 с.
- Давыдов А.П. 2017. Раскол, медиация и социокультурный анализ // Давыдов А.П., Розин В.М. Спор о медиации: раскол в России и медиация как стратегия его преодоления. М. : URSS. С. 38-66.

- Иваницкий В. 1995. Русская женщина и эпоха «Домостроя» // ОНС : Обществ. науки и современность. № 3. С. 161-173.
- Клибанов А.И. 1977. Народная социальная утопия в России. М. : Наука. 335 с.
- Ключевский В.О. 1988. Древнерусские жития святых как исторический источник. М. : Наука. 512 с.
- Ключевский В.О. 2000. Русская история : полный курс лекций. В 2 кн. Кн. 1. М. : АСТ. 1056 с.
- Лэндри Ч. 2011. Креативный город. М. : Издат. дом «Классика-XXI». 400 с.
- Магун В.С., Руднев М. 2008. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Европейское социальное исследование: изучение базовых социальных, политических и культурных изменений в сравнительном контексте Россия и 25 стран Европы : аналит. докл. М. : Ин-т сравн. социальн. исслед. С. 66-75.
- Милоков П.Н. 1994. Очерки по истории русской культуры. В 3 т. Т. 2. Ч. 1. М. : Прогресс-Культура. 416 с.
- Осипова. Ю.В. 2011. Утилитарные ценности в контексте современной культуры. Ростов н/Д. 159 с.
- Павловская А.В. 2009. Русский мир: характер, быт и нравы [Электронный ресурс]. URL: http://a_v_pavlovskaya_krestyanskaya_osnova_russkogo_haraktera/krestyanskaya_obvina_i_ee_vliyanie_na_russkij_harakter/ (дата обращения: 23.02.2017).
- Пелипенко А.А. 2016. Контрэволюция. М. : Знание. 240 с.
- Русские пословицы и поговорки для детей [Электронный ресурс]. URL: <http://пословица-поговорка.рф/poslovice/poslovice-o-vragah> (дата обращения: 23.02.2017).
- Титаренко А.И. (ред.) 1980. Марксистская этика : учеб. пособие для вузов / А.И. Титаренко, А.А. Гусейнов, В.И. Бакштановский и др. ; общ. ред. А.И. Титаренко. 2-е изд., перераб., и доп. М. : Политиздат. 352 с.
- Тихонов А.В. 2013. Медиация в проблемном поле социокультурного знания: полидисциплинарный подход : докл. на круглом столе «Медиация как социокультурная категория», Ин-т социологии РАН, 22 февраля 2013 г. Ч. 1 // Филос. науки. № 11. С. 34-49.
- Флорида Р. 2011. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М. : Издат. дом «Классика-XXI». 430 с.
- Шамликашвили С.А., Вечерина О.В. 2017. Медиация в российских исследованиях в зеркале eLibrary // Вестн. федерал. ин-та медиации. № 1. С. 51-74.
- Brandt R.A. 1998. Theory of the Good and the Right / foreword by P. Singer. Rev. ed. Oxford : Prometheus Books. 362 p.
- Eggleston B., Miller D.E. (eds.) 2014. The Cambridge Companion to utilitarianism. Cambridge : Cambridge Univ. Press. 387 p.
- Ellis B. 1981. Retrospective and Prospective Utilitarianism // Nous. Vol. 15, № 3. P. 325-339.
- Feldman F. 1997. Utilitarianism, Hedonism, and Desert: Essays in Moral Philosophy. New York : Cambridge Univ. Press. 220 p.
- Habermas J. 1995. Moral Consciousness and Communicative Action. Cambridge : MIT Press. 225 p.
- Hare R.M. 1981. Moral Thinking. Its Levels, Method and Point. Oxford : Clarendon Press. 242 p.
- Levi-Strauss. C. 1963. Structural Anthropology. New York : Basic book. 410 p.
- Smart J.J. 1973. An Outline of a System of Utilitarian Ethics // Smart J.J., Williams B.O. Utilitarianism: For and Against. Cambridge. P. 12-27.

E. Yarkova. *Mediatsiya i nravstvennaya kul'tura obshchestva* [Mediation and moral culture of society], *Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. otd-niya Ros. akad. nauk*, 2018, vol. 18, iss. 2, pp. 40–54. (in Russ.).

Elena N. Yarkova, Doctor of Philosophy, Professor,
Tyumen State University, Tyumen, Russia.
E-mail: mimus.lena@mail.ru

Article received 22.02.2017, accepted 24.04.2017, available online 01.07.2018

MEDIATION AND MORAL CULTURE OF SOCIETY

Abstract. The article is devoted to the analysis of moral aspects of development of mediation as socio-legal institution. It is noted that the term “mediation” in various areas of research refers to different phenomena: in socio-legal research – to alternative trial procedure of settlement of disputes and conflicts; in cultural studies – to the logic of culture, which is focused on the synthesis of current opposition of meanings. It is proposed to synthesize different interpretations of the concept of “mediation” turning it into interdisciplinary one. It is argued that the development of socially legal institute of mediation depends on the formation of mediation as the logic of moral culture. The author defines the main objective of the study – the search for points of mediation’s growth as the logic of moral culture. Technology of the study involves methodology of ideal typing, comparative studies, and hermeneutics. The author distinguishes and analyzes three types of moral culture: traditional, utilitarian (elementary and advanced), and creative. The novelty of the study: it is established that the phenomenon of moral mediation begins in axiological space of advanced utilitarianism; prerequisites, catalysts, and mechanisms of its formation are explicated.

In conclusion, it is stated that the main cause of slowing up mediation practices in contemporary Russian society is “looping” its moral culture on elementary utilitarianism. The solution to this problem is the cultivation of harmony of private and public interests at all levels of Russian society.

Keywords: mediation, moral culture, traditionalism, elementary utilitarianism, developed utilitarianism, creativity.

References

Akhiezer A.S. *Rossiya: kritika istoricheskogo opyta (Sotsiokul'turnaya dinamika Rossii). T. 2. Teoriya i metodologiya : slovar'* [Russia: criticism of historical experience (Sociocultural dynamics of Russia). Vol. 2. Theory and methodology. Dictionary], Novosibirsk, Sibirskiy khronograf, 1998, 594 p. (in Russ.).

Berdyaev N.A. *O naznachanii cheloveka* [On the appointment of a person]. Moscow, Eksmo, 1993, 448 p. (in Russ.).

Brandt R.A. *Theory of the Good and the Right*, rev. ed., Oxford, Prometheus Books, 1998, 362 p.

Davydov A.P. «*Dukhovnoy zhazhdoyu tomim*» : A.S. Pushkin i stanovlenie «*sredinnoy kul'tury*» v Rossii [“Spiritual thirst with design” : Pushkin and the formation of “middle culture” in Russia], Moscow, Ekonomika, 1999, 256 p. (in Russ.).

Davydov A.P. *Raskol, mediatsiya i sotsiokul'turnyy analiz* [Division, mediation and socio-cultural analysis], Davydov A.P., Rozin V.M. *Spor o mediatsii: raskol v Rossii i mediatsiya kak strategiya ego preodoleniya*, Moscow, URSS, 2017, pp. 38-66. (in Russ.).

Eggleston B., Miller D.E. (eds.) *The Cambridge Companion to utilitarianism*, Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2014, 387 p.

Ellis B. Retrospective and Prospective Utilitarianism, *Nous*, 1981, vol. 15, no. 3, pp. 325-339.

Feldman F. *Utilitarianism, Hedonism, and Desert: Essays in Moral Philosophy*, New York, Cambridge Univ. Press, 1997, 220 p.

Florida R. *Kreativnyy klass: lyudi, kotorye menayut budushchee* [Creative class: people who change the future], Moscow, Izdatel'skiy dom «Klassika-XXI», 2011, 430 p. (in Russ.).

Habermas J. *Moral Consciousness and Communicative Action*, Cambridge, MIT Press, 1995, 225 p.

Hare R.M. *Moral Thinking. Its Levels, Method and Point*, Oxford, Clarendon Press, 1981, 242 p.

Ivanitskiy V. *Russkaya zhenshchina i epokha «Domostroya»* [Russian woman and the era of "Domostroy"], *ONS : Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, 1995, no. 3, pp. 161-173. (in Russ.).

Klibanov A.I. *Narodnaya sotsial'naya utopiya v Rossii* [People's social utopia in Russia], Moscow, Nauka, 1977, 335 p. (in Russ.).

Klyuchevskiy V.O. *Drevnerusskie zhitiya svyatykh kak istoricheskiy istochnik* [Old Russian hagiographies as a historical source], Moscow, Nauka, 1988, 512 p. (in Russ.).

Klyuchevskiy V.O. *Russkaya istoriya : polnyy kurs lektsiy. V 2 kn. Kn. 1* [Russian history: a Full course of lectures, in 2 books], b. 1, Moscow, AST, 2000, 1056 p. (in Russ.).

Landry Ch. *Kreativnyy gorod* [The Creative City: A Toolkit for Urban Innovators], Moscow, Izdatel'skiy dom «Klassika-XXI», 2011, 400 p. (in Russ.).

Levi-Strauss. C. *Structural Anthropology*, New York, Basic book, 1963, 410 p.

Magun V.S., Rudnev M. *Zhiznennyye tsennosti rossiyskogo naseleniya: skhodstva i otlichiya v sravnenii s drugimi evropeyskimi stranami* [Life values of Russian population: similarities and differences in comparison with other European countries], *Evropeyskoe sotsial'noe issledovanie: izuchenie bazovykh sotsial'nykh, politicheskikh i kul'turnykh izmeneniy v sravnitel'nom kontekste Rossiya i 25 stran Evropy : analit. dokl.*, Moscow, Institut sravnitel'nykh sotsial'nykh issledovaniy, 2008, pp. 66-75. (in Russ.).

Milyukov P.N. *Ocherki po istorii russkoy kul'tury. V 3 t. T. 2. Ch. 1* [Essays on the history of Russian culture, in 3 vols.], vol. 2, pt. 1, Moscow, Progress-Kul'tura, 1994, 416 p. (in Russ.).

Osipova. Yu.V. *Utilitarnyye tsennosti v kontekste sovremennoy kul'tury* [Utilitarian value in the context of contemporary culture], Rostov-on-Don, 2011, 159 p. (in Russ.).

Pavlovskaya A.V. *Russkiy mir: kharakter, byt i navy*, 2009 [Russian world: nature, life and customs], available at: http://a_v_pavlovskaya_krestyanskaya_osnova_russkogo_haraktera/krestyanskaya_obwina_i_ee_vliyanie_na_russkiy_harakter/ (accessed 23 February, 2017). (in Russ.).

Pelipenko A.A. *Kontrevolyutsiya* [Counter-evolution], Moscow, Znanie, 2016, 240 p. (in Russ.).

Russkie posloviцы i pogovorki dlya detey [Russian proverbs and sayings for kids], available at: <http://poslovitsa-pogovorka.rf/poslovicy/poslovicy-o-vragah> (accessed 23 February, 2017). (in Russ.).

Shamlikashvili C.A., Vecherina O.V. *Mediatsiya v rossiyskikh issledovaniyakh v zerkale elibrary* [Mediation in Russian studies in the mirror elibrary], *Vestnik federal'nogo instituta mediatsii*, 2017, no. 1, pp. 51-74. (in Russ.).

Smart J.J. An Outline of a System of Utilitarian Ethics, *Smart J.J., Williams B.O. Utilitarianism: For and Against*, Cambridge, 1973, pp. 12-27.

Tihonov A.V. *Mediatsiya v problemnom pole sotsiokul'turnogo znaniya: polidistsiplinarnyy podkhod : dokl. na kruglom stole «Mediatsiya kak sotsiokul'turnaya kategoriya»*, *In-t sotsiologii RAN, 22 fevralya 2013 g. Ch. 1* [Mediation in the problematic field of socio-cultural knowledge: a multidisciplinary approach: report at the round table "Mediation as a socio-cultural category", The Institute of sociology, February 22, 2013, pt. 1], *Filosofskie nauki*, 2013, no. 11, pp. 34-49. (in Russ.).

Titarenko A.I. (red.) *Marksistskaya etika : ucheb. posobie dlya vuzov* [Marxist ethics: a textbook for universities], 2nd ed., rev. and augm., Moscow, Politizdat, 1980, 352 p. (in Russ.).